

Неделя, 1983, май, № 21.

Листки календаря

«Душа обязана трудиться». Эти слова Николая Заболоцкого мы повторяем часто. Давайте же хоть немного вместе подумаем о Заболоцком, пусть потрудятся наши души: в мае ему исполнилось бы 80 лет...

«И бьюсь, так живет и болит моя душа», — писал восемнадцатилетний Н. Заболоцкий. Какая выразительная фраза, и главное — как верно характеризует она Заболоцкого! Подвижничество души, готовность вместить все новые и новые впечатления, осмыслить опыт жизни, нелегкой, драматичной, отличали его. Уже в преклонном возрасте он написал: «Не позволяй душе лениться», и действительно,

кий. Правда, обернуты разлагали мир на составные элементы с изобретательностью веселой и вдохновенной.

И все же эта остроумная игра не могла заменить действительность, суровую, порою жестокую, но все равно куда более плодотворную для поэзии. И Заболоцкий быстро понял это.

Стоит ли напоминать о периоде исканий и сомнений, преодоленных поэтом? Не умаляется ли тем самым значение творчества Н. Заболоцкого, в зрелые годы создавшего шедевры русской поэзии, по праву вставшего в ряд классиков отечественной литературы?

Убежден — мы лишь острее ощутим гармонию, классическую красоту стихов

возвращается к эпизоду, о котором он еще в 1944 году сообщал в письме к сыну: «Я шел на работу, один, мимо кладбища... Вдруг слышу — сзади кто-то меня окликает. Оглянулся, вижу — с кладбища идет ко мне какая-то старушка и зовет меня... Протягивает мне пару бубликов и яичко вареное: «Не откажите, примите»... Она объяснила, что один сын у нее убит на войне, второго похоронила здесь две недели назад и теперь осталась одна на свете. Я взял ее бублики, поклонился ей и пошел дальше. Видишь, сколько горя у людей. И все-таки живут они, и умеют даже другим помогать...» В стихотворении этот эпизод предстает как момент преображения поэта. Он обретает глубокий символический смысл — движение старческой руки, творческой милостыни, и встречное движение руки поэта, принимающего ее, — это окончательное преодоление пропасти между Поэтом и окружающими его людьми, его народом. И потому заурядное, на первый взгляд, событие находит отклик во всем мироздании:

И как громом ударило
В душу его, и тотчас
Сотни труб закричали
И звезды посыпались с неба.
И, смятенный и жалкий,
В сиянье страдальческих глаз,
Принял он подаянье,
Поел поминального хлеба.

Поэт у Заболоцкого после встречи у глухого погоста обретает право говорить о самом насущном и сокровенном — своему народу и от имени своего народа. Так и понимал поздний Заболоцкий миссию художника: «Я должен думать за всех этих людей».

Позднее творчество Заболоцкого — это поиск гармонии и красоты в жизни простых людей, выявление высокого смысла их бытия. Среди шедевров поэта стихотворения о людях, окружающих нас, ничем, казалось бы, не выдающихся. В уличной толчее мы и не замечаем их. Но если в гуще жизни, в гуще народной оказывается Поэт, он открывает возвышенную красоту обыденных повседневными думами лиц. Николай Алексеевич Заболоцкий стал таким Поэтом.

Александр КАЗИНЦЕВ.

ЧЕРЕЗ ПРОПАСТЬ— К ЧЕЛОВЕКУ

до последнего часа жила и болела душа поэта.

Творческий путь Н. Заболоцкого во многом показателен для русских художников первой половины столетия. Это путь через пропасть отчужденности — к человеку, к единению с простыми людьми своего народа, к теплоте человеческой солидарности.

К моменту вступления Заболоцкого в литературу, то есть к началу двадцатых годов, выработался своего рода стереотип поведения молодого художника. Он начинал с бунта. Против правил в искусстве, против устоявшихся представлений, против своих предшественников, словом, против всего, что не было порождено самим художником на основе его собственных представлений об искусстве и жизни.

Поэзия — единственная незыблемая основа среди зыблущихся представлений и нерешенных вопросов — призвана отразить фрагментарность, раздробленность бытия. Так считали «обернуты» — группа поэтов, к которой принадлежал Заболоц-

кий. Правда, обернуты разлагали мир на составные элементы с изобретательностью веселой и вдохновенной.

Внутренняя перестройка была мучительной и долгой — с начала тридцатых годов до середины сороковых. Она отчасти совпала с резким изменением жизненных обстоятельств поэта.

Ежечасно общаясь с простыми людьми, он глубже усваивает народные представления о жизни, обычаях народа, его культуру. Он осознает их своими, всосанными с материнским молоком и лишь на время забытыми, вытесненными из сознания шумными декларациями и радикальными теориями. И много лет спустя, уже перед самой смертью, он вспоминал людей, приобщивших его к древней мудрости родного народа.

Один из этих образов запечатлен в стихотворении «Это было давно», написанном за год до смерти, в 1957 году. Поэт